

К 80-ЛЕТИЮ ЮРИЯ СЕЛЕЗНЁВА

Николай Бурляев,
кинорежиссер,
актер, писатель
(г. Москва)

«ПОМЯНУТ БУДЕШЬ ТЫ ЛЮБОВЬЮ...»

Я описал встречи с Юрием Селезневым в книге «Мой Лермонтов» (этим оканчивается том) и назвал главу «Я грудью шел вперед, я жертвовал собой...». Это строка Лермонтова, но она прямо относится к Юрию Ивановичу.

В качестве эпиграфа я взял слова Селезнева: «Личность духовная осознает свою причастность вечной жизни мира и потому даже перед лицом смерти своего личного “я” принимает жизнь, приветствует и благословляет». Это цитата из книги, которую я прочитал перед нашей первой встречей в апреле 1984 года — книги из серии «ЖЗЛ» о Достоевском. Это совершенно феноменальная, фундаментальная работа, и в ней есть фразы, которые имеют прямое отношение к жизни и к сути творчества самого Юрия Селезнева. Вот наугад несколько таких цитат из Достоевского: «Не потеряйте жизнь, берегите душу, верьте в правду. Но ищите ее пристально всю жизнь, не то ужасно легко сбиться». Или: «Всякий, кто искренно захотел истины, тот уже страшно силен». Или: «От народа спасение Руси... Берегите же народ и оберегайте сердце его».

Слово и дело не разминулись в творчестве Юрия Селезнева. Я помню, как в апреле 1984-го, уже прочитав эту книгу и узнав о том, что есть возможность увидеться и поговорить с автором будущего труда о Лермонтове, я захотел с ним встретиться, узнать, что он думает о великом писателе. Встреча состоялась. И,

вы знаете, иногда желаемое не совпадает с действительным — но здесь все совпало. Совпало то, что я читал в книге Селезнева, и то, что я увидел на пороге его дома. Я помню, когда мы подходили с его приятелем к дому, Юрий Иванович из окошка приветствовал нас и показывал, куда надо идти — он ждал нас. Я увидел человека такого, какого и представлял по его книге: духовная устремленность к идеалу, позитивность исканий, речь прямая, без иносказаний, нравственная чистота, бесстрашное упоение боем — все было прекрасно в этом удивительном человеке.

Вслед за тем я прочитал его вторую книгу — «Мысль чувствующая и живая» — и открыл для себя нового литературного критика. Давно никто так не говорил с окружающими поэтами и писателями, которые уже были признаны обществом: уважительно, строго, доверительно. И критика-то его была не уничтожающая, а помогающая — если захочет автор осознать ошибки свои.

Красивый, голубоглазый, приветливый, сильный, статный витязь из народной былины. Помню наше долгое рукопожатие: «Именно таким я вас и представлял», — только и мог я при встрече вымолвить Юрию Ивановичу. А дальше была наша беседа. Жизнь подарила нам только три личные встречи и пару десятков телефонных разговоров.

Я помню, что, когда мы уединились в его кабинете, чтобы поговорить о Лермонтове, Юрий Иванович вдруг заговорил о Христе. И вот его фраза: «Как теперь облучают раковую опухоль, так Христос явился светлым спасительным лучом, направленным в самое пекло корысти, в исчадие ада». Когда мы начали говорить о Лермонтове, я спросил: «В какой стадии ваша работа?» Юрий Иванович ответил: «Мне осталось прочитать совсем немного, порядка сорока авторов, и я начну писать. Видимо, это произойдет через пару

месяцев. Я должен знать все, вплоть до того, какие на мундире Лермонтова были пуговицы во время встречи с Белинским... Вот, взгляните — читали?» — он протянул мне книгу. Сейчас я на этом не буду останавливаться, но он дал мне книгу, в которой я нашел то, что скрывалось лермонтоведением более сотни лет!

Юрий Иванович торопился жить: не позволяя себе болтать о чем-то несущественном, говорил только о самом главном. И вот он, будто предчувствуя, что этой его книги не будет, а, возможно, будет мой фильм, передавал мне все свои наработки, все то основное, что он успел собрать о поэте. Юрий Иванович высказал интересную гипотезу по поводу компании, вертевшейся вокруг Лермонтова последние два года его жизни: лермонтоведы именуют ее «кружком шестнадцати». В 1840 году во время высылки Лермонтова на Кавказ члены этого «кружка» покинули Петербург одновременно с поэтом. В 1841 году «шестнадцать» съехались вслед за Лермонтовым в Петербург и окружали его в столице. Когда поэта вновь выслали на Кавказ и он оказался в Пятигорске, многие «кружковцы» снова были подле него. Несколько человек из их числа присутствовали при убийстве Лермонтова. Потом подтасовывали показания и все как один всю жизнь сохраняли тайну о подлинных событиях у подножия Машука.

Так вот, Юрий Иванович трактует этот «кружок шестнадцати» как своеобразную организацию по ликвидации Лермонтова. Он исследовал нити, тянущиеся от этих кружковцев в иезуитские ордены, тайные ложи и так далее.

Мы, помню, говорили по телефону, все было нормально. Потом я уехал куда-то за границу, а Юрий Иванович — в Германию. Мы договорились с ним встретиться в Москве, но встреча не состоялась, поскольку при странных обстоятельствах Юрия Ивановича не стало, он скончался в Германии. Причем это случилось в доме медика, которая могла бы понимать, что происходит. Диагноз поставили такой: «сердце в ключья»... Это у «витязя», который следил за здоровьем: бегал, плаваньем занимался... Сердце в ключья... Психологи знают, что этому должен предшествовать какой-то удар психологический, которого сердце не выдержит. Кстати, такой же диагноз был и у Шукшина...

И вот той встречи не получилось: Юрий Иванович ушел из жизни... Место его как литературного критика никто не может занять и поныне, и появится ли еще один такой литературный критик — Бог весть...

Юрий Лоциц,
поэт, прозаик
(г. Москва)

НАШ ЮРИЙ СЕЛЕЗНЁВ. СЛОВО О ДРУГЕ

Как ни трудно возвращаться памятью к пережитой катастрофе, но все же начну с дневниковой записи 1984 года. Того самого, который вдруг поставил непреодолимую преграду нашему живому человеческому общению с Юрием Ивановичем Селезневым.

«17/VI-84. Вчера утром, в пятом часу, на рассвете, не стало Юры. Сейчас сел писать об этом и опять реву. Марина рассказывала вчера — между приступами неудержимого плача, — что утром в Берлине сильно пели птицы. Юра, еще ложась, пожаловался на жжение в груди. Она решила: изжога. Утром он поднялся с кровати, сходил в туалет, сел в кресло, начал растирать левую руку. Она не спала тоже. «Жжет в груди и рука болит». Она достала валокордин, предложила разбудить хозяев. «Спи!» — приказал он сердито. Не хотел никого беспокоить. Потом вдруг поднялся, пошел по комнате, вскрикнул: «Зови их, зови!» и начал падать. Терпел боль до конца. Через 15 минут — скорая помощь. Он уже похолодел».

Добавлю к той записи: о последних часах и минутах жизни своего мужа Марина (в девичестве Кузнецова), мать их единственного с Юрой ребенка, рассказывала присутствующим (а среди них был и я) на московской квартире своих родителей вечером именно того же самого 16 июня. Неумолимый параграф международного протокола потребовал ее немедленного возвращения домой, в СССР. Жесткость этого требования совпала с ее внутренней опустошенностью и обезволенностью. Что было ей еще делать в доме немецкой радушной четы (он — литературовед, знакомый Вадима Кожина, его супруга — медсестра). Ведь в Берлине останавливались всего на ночь, утром предполагали отправиться к взморью, на отдых, такой долгожданный (Селезнев только что завершил сбор материалов для биографической книги о Лермонтове).

Еще одна запись тех дней: «Суббота, воскресенье, утро понедельника, когда писал некролог (опубликованный в «Комсомольской правде» за подписью И.Ф. Стаднюка. — Ю.Л.), вторник, когда сказал Юриной маме, что он умер, среда, когда встретили гроб в Шереметьевском аэропорту, сегодня, когда

нам в морге показали несчастного Юрочку, с неловко наклоненной набок головой, потому что он не уместился в гробу, — все эти дни прошли как какие-то томящие сновидения, когда нет сил длить сон, но и нет сил стряхнуть его с себя».

В пояснение к этой записи могу добавить, что со своей мамой, Прасковьей Моисеевной, Юра познакомил меня весной того же года, в Москве. Она приехала из Краснодара по его приглашению, желая увидеть, как наконец-то устроился ее единственный и бесконечно обожаемый Юрочка в такой беспокойной и непростой для него столице. Познакомил он нас прямо на улице, в двух шагах от здания издательства «Молодая гвардия», где солнечным, кажется, апрельским утром неспешно прогуливался с маленькой и тихонькой своей матушкой... А в тот день, когда ее срочно привезли в Москву в связи с его, как обтекаемо объясняли по дороге, «нежданным недомоганием» и когда продлевать эту затянувшуюся неправду было уже для всех невмоготу, попросили меня зайти в комнату его квартиры, где она в эти минуты томилась одна... Тот, кому хоть раз пришлось исполнять подобное поручение, поймет... Жалкая, колноязычная жестокость отсроченного признания: «Простите нас всех, но Юры больше нет с нами...»

Или она уже сама догадывалась? Или все еще подпитывалась последними крохами надежды?..

Позже, через несколько лет, когда я повидался с ней в Краснодаре и она показывала немногие сбереженные фотографии, письма от сына из Москвы, меня особенно зацепило одно из них — чрезвычайной, просто телесно-физической близостью к часу его кончине. Письмо было отправлено из Москвы 8 числа того самого рокового для него июня. Значит, всего через неделю все и случилось.

«Мамочка, родная моя, милая добрая мамочка! Здравствуй!

Получил твое письмо и вот — отвечаю сразу же.

Сегодня получили заграничные паспорта на поездку в ГДР, купили билеты на поезд на 14 июня, 15 будем уже в Берлине, а потом поедem в старинный город Грайсфальд на берегу Балтийского моря. Хотим еще съездить в Дрезден и Веймар. Вернемся, видимо, в конце месяца — между 25 и 30. Приедem — сразу напишу тебе.

Настюха (младшая дочь Ю. Селезнева. — Ю.Л.) живет в деревне. Неля (мать Марины. — Ю.Л.) туда

поехала на несколько дней. В понедельник вернется, расскажет, как они там живут.

С Алькой (старшая дочь. — Ю.Л.) пока не решено — с морем. Обещают, но еще не точно и не известно когда.

А в Москве немного похолодало, дожди. После сильной жары это даже приятно.

Саша (А. Федорченко — краснодарский писатель, друг Ю. Селезнева. — Ю.Л.) пишет, что ты обещала зайти к ним, да так и не зашла — не приболела ли? Родненькая, как у тебя с деньгами? Приеду и сразу вышлю тебе, числа 1-го, но если трудно, пришли срочно телеграмму, я пошлю до отъезда.

Ну, вот больше и новостей нет. Живем по-старому, не бодем, работаем. Вот — собрались отдохнуть. Приеду, начну работу над книгой о жизни Лермонтова, примерно в том же роде, что и о Достоевском в серии «Жизнь замечательных людей».

Приветы твои всем передаю, и тебе поклоны от твоих московских близких и друзей.

Береги себя, родная. Отдыхай побольше, в гости ходи, в кино, не сиди дома все время.

Целуем тебя, наша милая, добрая мамочка и бабушка.

Пиши.

Может, еще до отъезда успею тебе написать. А нет, значит, как приедem.

Крепко обнимаем, всего тебе доброго.

Твои Юра, Марина, Настенька, Алиночка.

В день рождения Альки гуляли с ней по Москве, в парке, водил ее в Дом писателей. Купил ей много цветов, подарил собрание сочинений Блока, пленки для магнитофона с песнями и еще разной мелочи. Была очень красива и довольна нашей встречей».

Могли ли эти, как всегда, ласковые приветы и пожелания, будто спеленатые сыновней заботой, вселить в ее сердце острое предчувствие? А разве навестило оно в те дни кого из нас?

И сегодня не могу сказать, что память о Ю.И. Селезеве исчерпалась во мне сполна. Просто что-то, будто исчезнувшее насовсем, вдруг вспоминается с какой-то упругой, заждавшейся своего часа отчетливостью. В 1976 году, в тот самый день и час, когда Сергей Семанов, покидавший кабинет главного редактора серии «ЖЗЛ», привел к нам для знакомства своего преемника, Селезнев, улучив минутку, уже в коридоре, куда вышли покурить, перво-наперво сказал мне, будто прерванный разговор продолжая,

что прочитал моего «Сковороду» и очень надеялся однажды познакомиться с автором, а теперь, значит, будем еще и работать вместе. Его при этих словах открытая южно-русская радостная улыбка, его неожиданная, с налету, похвала книге, такое же неожиданное признание, что и он совсем еще недавно носил бородку, да вдруг поневоле пришлось сбрить, потому что для комсомольских высших чинов на Маросейке, к которым его повезли по поводу представления к должности, бородачи подозрительны, и он, преодолев досаду, смирился, но все равно теперь бороду снова запустит, — все это вместе меня в нем так обезоружило, так избавило враз даже от тени недоверия, что уже через несколько дней, посовещавшись подробнее по рабочим редакционным делам, мы могли бы, пожалуй, признаться друг другу, что «единомыслие исповемы». Если бы не тень тургеневского Базарова, в котором оба мы ценили его грубоватый укор приятелю: «Аркадий, не говори красиво».

Такой стремительный прирост дружеского чувства мог, однако, по моей неловкости, почти тут же и иссякнуть. В февральский день, когда он подарил мне с надписью свою первую, только что изданную книжку — «Вечное движение», я, наспех полистав ее за продолжающимся разговором, вместо того, чтобы порадоваться тому, как много прекрасных писательских имен здесь впервые собрано под одной обложкой, вдруг буркнул, что Андрей Битов в этом кругу выглядит не вполне своим или даже совсем не своим. А сверх того, добавил, что и заглавие «Вечное движение»... как-то не очень... То есть отдает каким-то топтанием на месте, нет в этом перпетум мобиле стремления вырваться из привычного круга.

Может, он и хотел скрыть степень своего расстройства услышанным, но не смог. Глаза будто заволокли туманом, и в неловком, негромком «да?» — просквозила обида. Но через миг уже заговорили о другом, будто ничего и не промелькнуло между нами. Хотя я еще и еще про себя вспоминал ту минуту, огорчаясь своей бестактностью. Ведь, вполне возможно, ему кто-то намеренно посоветовал дать в названии побольше молодежного задора: движемся, мол, ребята, движемся... Пока не понял однажды: ну, и пусть! Значит, так и нужно было — сказать это напрямую. И впредь может понадобиться такая взаимная нещадящая, нелестная прямота нам обоим.

И она понадобилась, и не раз. И когда он, внимательнейшее прочитав машинопись моего «Дмитрия

Донского», сказал напоследок, что ожидал все-таки большего, потому что я, как ему показалось, не вполне и не во всем управился. Или когда я, принимаясь за его рукопись о Достоевском, сказал в шутку, при свидетелях, что буду «резать по живому». Но о том, что именно позже пришлось по машинописи сокращать или уточнять, знали только мы с ним двое, без ерничающих и потирающих ручки соглядатаев.

Не удержусь все же и процитирую из своей статьи «И поймешь иную жизнь...»: «И вот непонадобившуюся страницу он, перечеркнув крест-накрест машинописные строчки, в день сдачи рукописи с усмешкой протянул мне. Я тут же прочитал приписанное от руки:

«Ну, Юра! Я тебя, прости, Бога ради, довел до отчаяния, но и ты зато укатал меня. Хоть бы уж твой-то труд не пропал даром. Спасибо тебе, родной.

Ю.

Там уж, где я заартачился-закапризничал и ослушался — оставь уж так: пусть, если она все-таки будет, эта книжка, то будет хоть немножко и моей...».

Кажется, я ничего не ответил ему в ту минуту, настолько были переполнены для меня смыслом эти несколько строк, где он, едва ли не впервые за годы нашей дружбы, назвал меня родным. Степень же моего «отчаяния» и участия в его труде была, конечно, страшно преувеличена, как и мера его капризности. Но это было так в духе его великодушного характера...

Наконец, в этих строках уместилась и наша общая на тот час тревога: «если она все-таки будет».

Это умение доходить в дружбе до пределов взаимной выдержки, самообладания, откровенности в поисках искомого, но не всегда сразу достижимого единомыслия я видел не раз и в работе Селезнева с другими авторами. Ну с тем же Вадимом Валериановичем Кожиновым, когда после нескольких часов сидения взаперти над рукописью «Тютчева» они выходили из Юриного молодоговардейского кабинета обкуренные, погруженные в себя, как бы даже слегка отчужденные, с печатью изменения на лицах.

О дружбе мужской трудно сказать что-то новое, необычное, что не было уже пережито, осмыслено и высказано другими, может быть, познавшими в дружестве гораздо большие глубины, чем успели мы, любившие Юрия Селезнева, жаждавшие с ним дружества или, сказать по Гоголю, товарищества.

Но всегда, когда мы решаемся думать и говорить о дружбе, остается для всех недостижимый ее образец,

запечатленный однажды евангелистом Иоанном Богословом, гл. 15, 12: «Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, якоже возлюбих вы; болши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя»

ТОЧКА ОТСЧЕТА

35 лет прошло после 45 неполных годин земного бытия Юрия Ивановича — бытия, насыщенного невероятно напряженным, светлым духовным трудом. Трудом беспримерно самоотверженным — на разрыв. И он с небес словно ждет — чем вспомните?

Немало точно-мудро-доброе сказано родными, друзьями, знакомыми, коллегами. Достойна восхищения публикация переписки Ю.И. с его другом Владиславом Поповым, профессором КубГУ, и, конечно, серии сборников в честь Селезнева.

А открываются все новые грани, порой очень частные эпизоды, случайные, в которых, однако, связь с поприщем, высокой миссией. В которых точки отсчета пути: дом... армия... факультет... иные вехи.

Они — в рассказах земляков, студентов, выпускников КГПИ-КубГУ (истфила, на котором учился Юрий Селезнев в 1961 — 1966 гг. и который преобразовался в конце концов в филологический факультет университета). Отдельные эпизоды здесь приводятся по нарастанию значимости: от единичных встреч, от замечательных преподавательских удач Юрия Ивановича — до длительной дружбы с однокурсниками, ровесниками. В этом и следующих номерах журнала — воспоминания о Подвижнике.

Любовь Афанасьевна Чугуевская, одна из живых легенд филфака, хранитель памяти, преподаватель и методист кафедры современного русского языка, в октябре 2019-го живо вспоминает о занятиях, которые проводил у них Юрий Иванович на подготовительных курсах более полувека назад:

— Преподаватель был молод, недавно окончил факультет, но казался взрослее своих тридцати. Не только по внешнему богатырскому виду. Знания придавали зрелость. Вел он у нас литературу. Но так, что влюблял и в русский язык. Читал наизусть, например, Лермонтова — и у нас пробуждалось то чувство слова, которое у него, наверное, было врожденным...

— А я у Юрия Ивановича не училась, но бывала на встречах, которые проводились на филфаке по разным случаям. Покоряла невероятная образованность, увлекающая манера рассказа, глубинный артистизм, — рассказывает **Ольга Евгеньевна Павловская**

(**Тарабанова**), студентка 1975-го года выпуска, ныне профессор, завкафедрой русского языка и речевой коммуникации Кубанского госагроуниверситета.

Кстати, в этом вузе, тогда сельхозинституте, Юрий Селезнев был некоторое время в штате кафедры русского языка — преподавал его иностранцам, коих в ту пору было несметное множество. Его дар филолога-преподавателя помнят и теперь. Коллеги, ровесники Юрия Ивановича, спустя годы восхищались его талантом найти подход к учащимся любого склада, возраста и цвета кожи... Его неиссякаемым юмором, который сложные тайны языка делал доступными и притягательными!

Есть что вспомнить десяткам людей, и читатель в ближайшие месяцы узнает немало штрихов к биографии Юрия Ивановича.

Особо ценны «октябрьские рассказы» **Елены Владимировны Макаренко (Крупновой)**, учившейся вместе с Юрием Ивановичем пять лет в одной группе, известного ученого, педагога, доцента кафедры современного русского языка КубГУ, и ее супруга Юрия Григорьевича Макаренко, замечательного журналиста, редактора, издателя.

Это профессионалы, сомасштабные великому мыслителю. Не случайно он долгие годы поддерживал с ними отношения, переписывался. В судьбах Е.В. Макаренко и Ю.И. Селезнева есть точки сближения, как и у иных тогдашних истфилфаковцев, россыпи талантов. Дар художественного слова. Феноменальные знания. Именно двое этих пятикурсников были отмечены Государственной комиссией на выпускном экзамене как лучшие. Общая культура. Неподражаемый юмор! Чистота души. Высочайший профессионализм, знаком которого стала ученая степень кандидата филологических наук после защиты блестящих диссертаций...

— Первое впечатление, когда собралась группа, где мне пришлось быть старостой, — заметный первокурсник явно не 17 лет. Личность. Внутренняя значительность. И...теплота, товарищеский характер.

Вскоре узнали: Юрий Селезнев — после армии. Там, кстати, вступил в КПСС (вообще о партии думаешь лучше, когда в ней были и такие. — **А.Ф.**). Видна были в человеке мужественность внутренняя и внешняя, на которой военная служба сказывается всегда. Боец. Видно было по всему и другое: память о военной службе Юрию дорогА, более того — в ней источник раздумий, постоянной внутренней работы.

И Дороги «однополчане», армейские товарищи, например. Вячеслав Неподоба (старший брат известного поэта), к которому Юрий, его друзья относились заботливо, сердечно. Равно как и к поэту Валерию Горскому. Порой вспоминались и одноклассники из краснодарской 37-й, звучали теплые отзывы.

И я благодарна судьбе, которая объединила в общий круг с такими, как Юрий Селезнев...

Все годы учебы он выделялся мощью, человечностью, энциклопедизмом. И... прилежанием. Кажется, мог позволить себе при поистине вселенских познаниях взять передышку. Нет. Готовился к занятиям, к сессии не просто основательно, а с естественной увлеченностью едва ли не каждым вопросом. Круглый отличник — по достоинству ума, таланта.

Удивительна была особая его искренность, охватывающая многих. Укрепляющая.

И какой поразительный круг интересов: философия, история, филология, искусство, спорт... Все предельно цельно. Быть может, от широты натуры? Широты, которую скреплял мощный духовный стержень. Человек с убеждениями, принципами, которые созвучны живой созидательной душе.

Поддержать других в добрых начинаниях было для Юрия Ивановича органичной потребностью. Могучее плечо и щедрое сердце — они стали источником жизненной крепости, творческих побед для многих. Близкого друга своего, Александра Федорченко, именно Селезнев натолкнул на замысел книги об академике П.П. Лукьяненко, селекционере с мировой славой. Быть может, без Юрия Ивановича работа над ней не доставила бы автору столько радости. Не стала бы значительной вехой в литературной истории великих кубанских аграриев...

А мы сдружились более всего на почве музыки. В ней Селезнев разбирался глубоко и тепло, она была частью души. Среди любимых его композиторов — Бетховен, Чайковский. С увлечением, радостью слушал внутренне созвучные его сердцу «Концерт для скрипки» Паганини, «Траурный марш» из «Гибели богов» Вагнера, «Экспромт-фантазию» Шопена.

Наслаждение доставляло пересматривать культовый итальянский фильм-оперу «Аида», где так оригинально соединились драматический талант Софи Лорен и голос Ренаты Тебальди, киноактера Лучано Делла Марры и певца Джузеппе Кампоры... С удовольствием слушали записи М. Каллас, М. дель Монако. В 1960-е годы Краснодар был одним

из неизменных «гастрольных центров» для ведущих коллективов. Запомнились концерты Московского государственного симфонического оркестра под управлением легендарной Вероники Дударовой, Свердловского симфонического...

Филармонический бомонд — так с известной иронией можно назвать постоянных поклонников классики.

Замечательна в своем роде и широта музыкальных увлечений Юрия Ивановича. Он собирал грампластинки не только классиков. И... отличал итальянского вундеркинда, по-настоящему талантливого жизнерадостного Робертино Лоретти — помните «Джамайку» и прочие его песни, которые в 1960-е звучали из каждого окна с магнитофонов? Чистая радость бытия — наверное, в ней секрет этого увлечения.

Тогдашние филологи сильного пола отличались в спорте. Футбольные успехи выпускника более раннего года Виктора Лихоносова помнятся и сейчас. А Юрий Иванович был азартным, успешным баскетболистом. И отчаянным футбольным болельщиком — помню, как утешал его, «фаната», после проигрыша любимой «Кубани» другой «футбольный филолог», доцент, ветеран войны Алексей Валерианович Дортгольц...

А с каким удовольствием он работал вожатым в пионерлагере. По учебному плану это требовалось один раз, одну смену после третьего курса. Юрий был трижды по несколько смен: в 1962, 1963 и 1964. Выкладывался сполна! Дети потом писали ему, и его эти смены эмоционально подзаряжали.

Одно время увлечения Юрия Ивановича чуть не привели его в аспирантуру по русскому языку в КубГУ, к блистательному Вадиму Владимировичу Казмину. В лингвистической рустике Селезнев мог бы стать заметной фигурой. Победил, однако, магнит столичной духовной жизни, притяжение великих имен Михаила Бахтина, Вадима Кожина. Когда Юрия Ивановича не стало, в 1994-м, В.В. Казмин (вскоре тоже ушедший — «догнали» последствия военных ранений), всегда тепло вспоминавший Селезнева, задумался: быть может, не покинь он родной Краснодар — прожил бы дольше?..

То, что удавалось Юрию Ивановичу, обычно возникало в общении с единомышленниками. В столице их стало больше. Как больше было и иного — не только доброго. ■

Записал А.Факторович.
(Продолжение следует)